

Когда интервью с Владимиром Шаинским было в работе, маэстро шлягера, народный артист России и заслуженный деятель искусств РСФСР получил гражданство Израиля и покинул отечество. Историческая родина с радостью приняла автора шлягеров «Не плачь, девочка» и «Травы-травы». Семья Шаинских поселилась на берегу Средиземного моря в небольшом городке, который издавна был облюбован приезжими из Грузии. К композитору уже поступило предложение баллотироваться в кнессет от одной из партий бывших граждан СНГ, причем популярному композитору обещано место в первой тройке избирательного списка. Так что публикуемое интервью, которое маэстро дал корреспондентам «НГ», стало последним перед его отъездом.

Наталья Заруцкая,
Александр Щуплов

ВЛАДИМИР ЯКОВЛЕВИЧ, так что же нам делать с мнением Станиславского: любить искусство в себе или себя в искусстве?

— Наверное, Станиславский, когда сказал эти слова, не думал, что кто-то осмелится любить себя в искусстве. По его мнению, можно было только любить искусство в себе. Мы все хотели бы любить искусство в себе, но не у всех это получается. За себя совсем не ручаюсь. Я до сих пор еще не знаю, что люблю больше — себя в искусстве или искусство в себе.

— Или женщин?

— О, женщины в нашей жизни — это все! Для меня все женщины, я бы выразился так, сфокусированы в моей жене. Если взглянуть на мою жену, то можно убедиться, что так оно и есть. Один мой коллега и соавтор сказал мне (после чего я сразу загордился!), что считает самой красивой женщиной на планете мою жену. На полном серьезе! После этого я взглянул на свою супругу новыми глазами. Даже с некоторым страхом. Во-первых, она немножко моложе меня — на 41 год. Во-вторых, при всей моей любви к самому себе, я не могу считать себя самым красивым мужчиной на планете. Конечно, я считаю себя представительным, но не до такой же степени!

— Как вы относитесь к женским недостаткам?

— Положим, у моей жены много недостатков, но я ее очень люблю, и для меня она — идеал женщины. Мы часто можем с ней спорить, даже поругаться. Но не представляю, чтобы кто-нибудь мог любить ее сильнее меня!

— Так какой недостаток у женщины самый большой?

— Тот же, что и у мужчины — подлость.

— Вы признаете за искусством элитарность?

— Элитарное искусство имеет право на существование. Правда, я не считаю эту дорогу в музыке столбовой. Разумом — не хочу запрещать, но сердцем ближе к искусству демократическому. Кстати, Альберт Эйнштейн, будучи величайшим умом человечества, не любил современной музыки!

— Говорят, что он был лучшим скрипачом среди физиков и лучшим физиком — среди скрипачей.

— Кстати, в свое время я был очень неплохим скрипачом.

— Вам приходилось писать «серьезную» музыку?

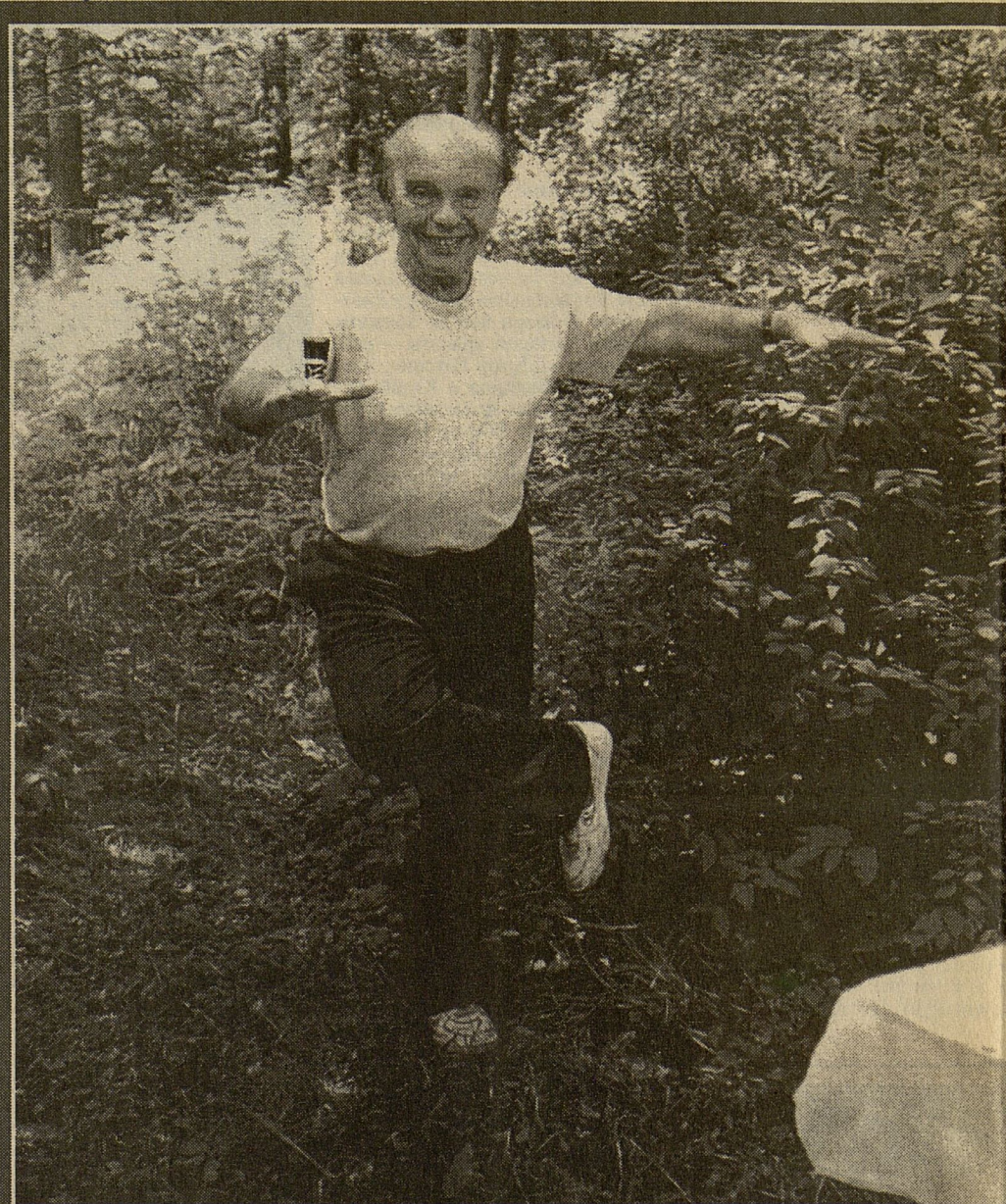
— В студенческие годы я написал симфонию, струнный квартет, фортепьянные произведения серьезного жанра. Не думаю, что реализовал себя в этой области на сто процентов. Всем сердцем я — на эстраде, но очень хочу написать что-нибудь, выходящее за рамки шлягера.

— Как рождается песня, которой суждено стать шлягером?

— Бог веляет! Бывают случаи, когда, садясь за инструмент, я сразу подыскиваю мелодию к словам. Так получилось с песней «Лада». Главное — истина, не математическая, а художественная, которая порой бывает более убедительна, чем математическая. Успех песни — вещь малопрогнозируемая. Иногда лучше прислушаться к мнению какой-нибудь фабричной девочки, чем ученого-музыковеда. Ведь для этой девочки я и пишу. Попасть песней в сердце людей — все равно, что попасть в «десятку» в тумане.

— Когда и с кем вы «вошли в песню»?

— Впервые мои песни стали популярными в 1966 году, когда я начал сотрудничать с юной Аллой Пугачевой и по радио в ее исполнении прозвучали «Как бы мне влюбиться» и «Не спорь со мной». Пугачева дала первый толчок новому развитию нашей песни. Мне очень нравилось, как она исполняла мои песни. Она умела оставаться самой собой, ее

Владимир Шаинский: «Настоящий мужик должен в 90 лет суметь выглядеть так, как не выглядел 20-летним».

ДЕВЯНОСТО ШЕСТЬ ШЛЯГЕРОВ

— Конец света еще не наступил ни для меня, ни для моих слушателей, — уверяет композитор Владимир Шаинский

обращение к публике, полная непосредственность, отсутствие выпендривания были залогом успеха. Все это произвело на меня большое впечатление, хотя, признаюсь, я это и не сразу осознал... Чуть позже я стал сочинять для десятилетней грузинской девочки Иры Сохадзе. Благодаря знакомству с ней я стал писать песни для детей. Затем мои песни стали исполнять Кобзон, Лещенко, Магомаев, из женщин — величайшая певица планеты Анна Герман и моя любимая исполнительница (помимо Пугачевой) Валентина Толкунова. Нет ни одного, наверное, популярного исполнителя 60–70-х годов, кто бы не сотрудничал со мной. Огромный след оставило в моей душе и оказало на меня как на музыканта большое влияние сотрудничество с великой певицей нашего времени Аллой Ведищевой...

— Сколько у вас шлягеров?

— Несколько лет назад ТВ объявило конкурс: назвать 50 шлягеров Шаинского. Победитель получил цветной телевизор. Меня бомбардировали звонками знакомые: подсажи! Я стал вспоминать свои песни и насчитал 65 популярных. Оказалось, был очень скромным: победитель конкурса насчитал 96!

— В бывшем СССР одним из больших вопросов был «национальный». Вы своей творческой судьбой как-то не вписывались в координаты гонимого: получили премию Ленинского комсомола, стали лауреатом Государственной премии, Народным артистом России, заслуженным деятелем искусств...

— Напомню, что в свое время не получил премию Ленинского комсомола — только из-за своего происхождения! — композитор Ян Френкель. Несмотря на личную дружбу с первым секретарем ЦК ВЛКСМ Тяжельниковым, премию ему не дали, хотя он заслужил ее больше, чем кто-либо другой. Не получил ее и Оскар Фельцман — автор множества прекрасных песен. И Марк Фрадкин, написавший «Комсомольцев-добровольцев», не получил. Не стал комсомольским лауреа-

том Аркадий Островский, создавший «Комсомольцы — беспокойные сердца...» Я получил премию Ленинского комсомола, видимо, потому, что существовал вакуум песен для детей и юношества. Плюс некоторые послабления в 1980 году, когда мне ее присудили.

— Говорят, в те времена «национальный вопрос» пытались решать и в Союзе композиторов?

— В бывшем Союзе композиторов СССР (ныне — Союз композиторов России) было много евреев, и национальный признак не слишком мешал при приеме. Хотя многие композиторы не были приняты в СК именно из-за этого «признака». Евреи, сидевшие в приемной комиссии, отталкивали других евреев. Скажем, ныне покойный композитор Борис Савельев написал много хороших песен для детей. Не будь у него настоящая фамилия Вейц, он бы обязательно был принят в Союз композиторов и получил бы комсомольскую премию. Среди представителей нашей нации тоже существует самоотталкивание. Этой болезнью страдает целый ряд композиторов-евреев.

— Новые времена ввели коррективы в эту ситуацию?

— Прав был тот, кто сказал, что сознание отстает от бытия. Бытие вроде бы изменилось, а общественное сознание самих евреев осталось прежним. Евреи к евреям в искусстве более строги, более придирчивы.

— Вы были любимцем у комсомольских властей, которые выдвигали вас на все звания и премии...

— Я никогда не протитировал, не писал песен с подхалимскими текстами. Если тематическая направленность моих песен иногда каким-то образом соответствовала тому, что было нужно властям, то это не было компромиссом с совестью. Под песнями, написанными в прошлые годы, я готов подписаться и сейчас. Разве такие патристические песни, как «Дрозды», «Белая береза», так называемые солдатские песни «Не плачь, девочка», «Через две зимы», можно назвать подхалимскими? Это вам не «Малая земля». А мою песню «Что тебе снит-

ся, крейсер «Аврора»?» с удовольствием слушают сейчас даже американцы. Эта песня — о корабле, являющемся символом величайшего социального потрясения в мировой истории...

— Вообще-то это хорошая лирическая песня с удивительно пластичной мелодией и на редкость неплохими стихами. Кстати, с кем из поэтов вы чаще всего сотрудничали?

— Детские песни я любил писать с Михаилом Пляцковским и Эдуардом Успенским, «взрослые» песни писал с Михаилом Таничем. Иногда я сотрудничал с самодельными поэтами, и в результате такой совместной работы были удачи. Так, слова к одной из лучших моих песен написал ныне покойный мясник с Центрального рынка столицы Иван Сергеевич Юшин. Меня с ним познакомил редактор на радио. Это был деревенский мужик 60 лет от роду, недостаточно грамотный. Из всех его стихотворений я выбрал одно — и не ошибся: получилась песня «Травы-травы».

— После того как вы исполнили с молодежной группой шлягер «Чунга-Чанга», было бы упрощением не спросить вас о нашей современной песне, в том числе и о рок-музыке?

— Настоящий рок бывает и хорошим, и бездарным, и талантливым. Не зря его иногда называют «дебил-рок». В роке есть, безусловно, много нового, того, что мне импонирует: определенная суровость и мрачность не только в манере исполнения, но и в гармонии, инструментовке. У рока есть свои естественные крайние формы. Например, такие, как рэп. Это уже — за гранью музыки и скорее разновидность шоу-искусства. Не берусь давать исчерпывающую и научную характеристику этого музыкального явления мирового порядка. Оно возникло в какой-то мере как молодежный протест против устоявшегося быта. Я далек от солидарности с этой идеей. По-моему, упорядоченный, налаженный быт — это то, к чему должен стремиться каждый нормальный человек. К тому же

он является залогом технического и интеллектуального прогресса. На старости лет бунтующая молодежь начинает это понимать.

— Хотелось бы узнать ваше мнение о наших звездах?

— К Долиной я отношусь очень положительно. Об Аллегровой мне судить трудно: я с ней ни разу не сотрудничал. Всегда уважительно относился к Леонтьеву, его трудолюбию, погруженности в искусство. Но их не назовешь «роковыми» певцами. Один мой знакомый режиссер пытался провести границы между музыкальными разновидностями. Кажется, ему так и не удалось определить, где попса, а где просто эстрада. Поэтому не хочу наклеивать ярлыки на любимых мною и народом исполнителей...

— Что происходит с нашей «молодой эстрадой»?

— Мне кажется, литературное содержание песен нашей молодежи — хлеб для пародистов. Что касается музыкального стиля, он, может быть, не так уж и плох. Есть свои достоинства и свои недостатки. Присутствует элемент примитивности. Впрочем, это и нормально.

— У вас есть советы молодым — с позиции старшего товарища?

— Воздерживаюсь от советов. Сейчас уже не советская власть, чтобы давать советы!

— Связываете ли вы с кем-либо из молодых свои надежды?

— Поживем — увидим.

— Ваше отношение к массовой культуре?

— Песня уже по своему жанру — масскультура. Иначе это не песня, а иной жанр — романс, камерное вокальное сочинение.

— Как вы относитесь к тому, что сейчас политики (Жириновский, Бабурин), текстовики (Резник, Шаганов), танцоры (Моисеев) — все вдруг запели?

— Это явление адекватно тому, что певцы и люди искусства пошли в политику. А почему бы и нет? Вспомним, что художник-неудачник Гитлер занялся довольно удачно политикой. А разве плохим президентом был киноактер Рейган? Вот Клинтон играет на саксофоне — честь ему и хвала! А если президент не умеет ни играть на саксофоне, ни петь и танцевать, да к тому же еще и плохой президент, вот это уже совсем нигула не годится!

— Иногда вас можно увидеть в необычном виде: на роликовых коньках, например. Это новый образ?

— Я стараюсь оставаться самим собой. Всю жизнь хожу на коньках и лыжах, занимаюсь подводной охотой, езжу на велосипеде. Некоторые люди моего возраста уже этим не занимаются. Тем хуже для них.

— В последнее время вы появляетесь на молодежных тусовках. Открылось второе дыхание? Или хотите соответствовать моде?

— Если меня приглашают, отчего не сходить? Не скажу, что вся молодежь считает меня своим, но для той молодежи, которая меня приглашает, я свой! Так же я не стремлюсь и в политику. Но если пригласят — пойду!

— В зрелом возрасте служители муз идут напрямиком в высшую власть — на Западе артисты и писатели становятся президентами и премьерами.

— Если в качестве платы за занятие политикой мне придется отказаться от музыки, я на это не соглашусь. Впрочем, если бы я стал президентом, неужели, вы думаете, я перестал бы писать песни? Никогда! Хотя мою творческую деятельность в этом случае стали бы рассматривать как эпатаж — и как следствие меня бы из президентов выгнали. Но я не стал бы плакать...

— Несколько лет назад, когда, кажется, Кириенко формировал свое «однодневное» правительство, вы сказали в одном интервью, что могли бы стать министром внутренних дел.

— Я не считаю, что в нашей стране министр внутренних дел обладает такой властью, что может серьезно влиять на обстановку в стране. У него для этого недостаточно полномочий. Всем, кто отвечает за безопасность граждан, надо прибавить власти, чтобы с ним можно было спрашивать. На свете нет такой страны, где полностью покончили с преступностью. Вернее, есть такое место, где живут абсолютно честные люди, — рай. Там, в раю, все в порядке. Проблем нет. Впрочем, объясните мне, почему тогда никто не горитится в такое хорошее место, где звучит только хорошая музыка? Например, песни советских композиторов, в том числе и Шаинского? Все хотят остаться подольше на нашей грешной земле!

— Вызывает ли у вас интерес политика?

— Каждый человек, если ему небезразлична судьба его страны, обязан интересоваться политикой, хотя заниматься ею совсем не обязательно. Я по убеждениям — республиканец и демократ. Власть должна быть в руках боль-

шинства населения той территории, на которую распространяется эта власть. Власть должна служить людям. Идеальной власти не может быть. Президентские выборы — далеко не идеальный метод определения лучшего человека. Но ничего другого человечество пока не придумало.

— Как вы полагаете, что сейчас происходит в России?

— Народу дали свободу. И случилось то, что и должно было случиться в стране, где веками культивировалась рабская психология, рабский менталитет. Мы идем нормальным путем преодоления и изживания этой рабской психологии. Сколько времени понадобится нам, чтобы наш менталитет стал похожим на менталитет развитых культурных стран, — никто не знает (хотя, в общем-то, я не считаю менталитет этих стран идеалом). Но главное — такой менталитет формировался и развивался в тех странах нормально, а в России — какими-то конвульсивными скачками, именуемыми реформами или революциями. Вспомним того же Петра Первого... Что такое нынешняя Россия? Страна с ненормальным развитием, только что вышедшая из многовекового рабства. Моисей не случайно вел народ сорок лет по пустыне, пока все бывшие рабы не умерли и не родилось свободным новое поколение — то, которое могло построить страну обетованную. Когда Россия станет землей обетованной? У нас для этого есть много здоровых и порядочных людей, которых сейчас захлестывают волны неупорядочности и стяжательства. На Западе считается ненормальным, если человек в течение дня стал миллиардером. Всем ясно, что это нечестно, что он играл не по правилам. У нас же играют по разным правилам: тот, кто ближе к власти, устанавливает для себя особые законы. Это уже мошенничество, уголовное деяние...

Я убежденный сторонник свободы и считаю: чем больше свободы, тем лучше. Но ничто не может быть абсолютным. Наша свобода сейчас выродилась в свободу для соответствующих уголовных структур. Вот они действительно пользуются свободой, а простые честные граждане доступа к этим свободам не имеют. Надо бороться с этими самыми структурами адекватными мерами и нетрадиционными для XX века способами.

— Дустом посыпать, что ли?

— Дуст — это средство сугубо XX века. Мое врожденное чувство справедливости позволяет мне отличать честных людей, достойных помилования, от тех, для кого такое помилование недопустимо. Мне кажется, от последних нужно очистить нашу землю.

— Откуда у вас теплые чувства к нашим стражам порядка?

— Я очень люблю нашу милицию. Там работают хорошие ребята. Я заметил: чем суровее профессия, тем нежнее душа. Кроме шуток! И еще: я потому уважаю работников милиции, что, сколько бы мне ни приходилось с ними пить, ни разу не удавалось переписать! Это мастера! Кстати, это — показатель силы не только физической (есть здоровые мужики, а дай выпить — тут же свалятся), нет, это показатель внутренней моральной силы — противостояние всякому алкоголю и тому подобное. Среди милиционеров есть такие ребята, которые могут пить даже аские смеси. Как-то с одним пил: естественно, сначала шла водка, 0,75 на двоих — это ерунда; потом выпили на двоих бутылку коньяка 0,75 — нормально; выпили бутылку шампанского; потом вьетнамский ликер 0,75; потом еще чего-то... Потом он спокойно пошел домой, а я даже не помню, как очутился одетый у себя дома! Сильным оказался мой коллега из органов. Он, правда, лет на 30 меня помоложе, но это для меня не оправдание: настоящий мужик должен в 90 лет суметь выпить так, как не выпьет 20-летний.

— Мы с вами уже говорили о гипотетическом хождении во власть. Примечательно, что каждый раз перед президентскими выборами появляются слухи о том, что Алла Пугачева собирается баллотироваться на высший пост. Вот вам бы в самый раз быть при Пугачевой-президенте премьером!

— Во-первых, я Аллу очень люблю и зла ей не желаю. Во-вторых, для меня это была бы огромная честь, но боюсь, не подойду по росту.

После женщина становится президентом, царицей, королевой, она начинает мыслить в государственных делах головой и потому отрешается ото всего женского. Настоящая женщина мыслит совсем не головой... Правильно я сказал?

— Правильно — со знанием дела и с позиций своего опыта.

— Скромного такого семидесятипятилетнего опыта.